

Татьяна АКИЛОВА

Родилась в 1994 году в селе Гагине Нижегородской области. Окончила Московский политехнический университет. Рассказы и миниатюры о природе публиковались в газете «Гагинские вести».

Живет в Гагине.

РОЯЛЬ

Подняв из лужи брызги, во двор въехал грузовик.

«Мало дождя что ли!..» – подумал Антон, стряхивая с брюк грязные крапинки.

Свернув зонтик, он прошел через арку к дому.

Грузовик остановился, загораживая вход в подъезд.

«Что тут...» – не успел себя спросить Антон, как смутная догадка остановила его посреди двора.

Из квартиры на первом этаже вывозили рояль. Старый, обшарпанный, но полный достоинства и чистого звука, он с неохотой покидал дом, то задевая обо что-нибудь деревянной ножкой, то заваливаясь набок.

«Выше!.. Левее!..» – командовали рабочие громкими голосами.

Антон впервые видел этот рояль. В детстве, заглядывая в окна квартиры, он не находил инструмента и только слышал, как в открытую форточку льется музыка. Картину же, на которой пожилой сосед сидит и выводит из-под клавиш мелодию изящными движениями рук, Антон представлял в воображении. Но, морщась, почти сразу бросал ее, как грубую подделку, пропитанную шумом телевизора.

Рояль вынесли, поставили на асфальт.

– Какой же он тяжелый!.. – высказался кто-то из рабочих.

– Зато, как играет!.. Я слышал!.. – похвалился другой.

«Да!.. Я тоже слышал...» – и вся музыка, которую Антон слушал на протяжении многих лет, слилась у него в одну мелодию.

– А куда его увозят? – спросил Антон, подойдя к подъезду.

– Да в школу, музыкальную. Дядя Наумыч еще при жизни его подарил, – мужчина вздохнул, проведя рукой по лбу, – а мы вот теперь тут возимся...

– Так у него же дети и внуки есть? – продолжал Антон, покрепче сжав зонтик рукой.

– И что? Они не знают, с какой стороны к этому роялю подойти... Внучка у него играет на скрипке. Ей рояль не нужен.

– Так такая старинная вещь... Семейная, – говорил Антон, поглядывая на протертый коричневый бок рояля.

– Наумыч не хотел, чтобы рояль простаивал без дела. Он говорил, что инструмент должен петь! Вот как!

– А вы?.. Вы откуда это знаете?

В голосе Антона послышалось что-то ревностное. Мужчина, прежде чем продолжить разговор, оглядел его с головы до ног и остановился взглядом на забрызганных грязью брюках.

– Я – Александр, – сказал и протянул руку, – дядя Наумыч с отцом моим дружил. Давно. Когда еще все они живы были.

Антон вздохнул, пожал протянутую руку. Он глядел на потемневшие ветки берез, на которых висели вместе с редкими желтыми листьями дождевые капли.

– Можем ехать! – бодро крикнули откуда-то из-за машины.

– Сейчас, – тут же отозвался мужчина, – ну!.. А ты чего интересовался-то?

– Да ничего. Я его сосед со второго этажа, – сказал Антон и неловко улыбнулся.

– До свидания, сосед!.. – садясь в грузовик, мужчина махнул рукой.

– До свидания!..

Проводя взглядом грузовик, Антон зашел в тускло освещенный подъезд. Музыка, звучавшая в голове, стала громче.

В детстве Антону в ее звуках, которые иногда он старался отделить от мелодии, слышалась звенящая хрупкость. Такой хрупкостью трещит тонкий лед, которым по утрам в октябре сковываются лужи.

Антон не всегда замечал музыку. Но иногда ему казалось, что слышит он ее один. Сидя на скамейке, ожидая друга, он наблюдал за редкими прохожими. Все они шли, ни разу не оглянувшись, ни замедлив шаг, ни одна мышца не дрогнула на их лицах. Тогда Антону становилось грустно.

Когда несколько месяцев назад музыкант умер, странная надежда еще теплилась в душе Антона. Ему казалось, что с минуты на минуту он услышит, как хрупкая, чистая, словно льдинка, музыка проберется в комнату через форточку в квартиру или зазвенит во дворе, умирняя растрепанные ветки берез.

«Да!.. Жалко Александра Наумовича...» – подумал Антон, открывая дверь квартиры гремящим ключом.

ПТИЦА НА ОБЛАКЕ

На краю большого облака сидела птица. Коготками она впилась в белую плотную мякоть, а узловатые пальцы лап сомкнула кольцом на фиолетовом ободке. Очерченное чернилами облако слепило своей белизной.

«Откуда на небе чернила?..» – думал Антон, глядя в окно на волнение птицы. Та вздрагивала крыльями, вытягивала шею, но удерживая равновесие, продолжала сидеть на облаке.

«Кажется, там тоже ветер...» – вздохнул Антон, лежа на диване и не выпуская из виду птицу.

Он только что пришел с улицы, где ветер мел дорожки, поднимал в воздух песок, листья и прочий мусор. Все завсегдагаи двора – воробьи, синицы, коты, лохматый пес – попрятались, чтобы не встретиться с грубостью надвигающейся непогоды.

По дороге домой Антон поссорился со своей девушкой Наташей. Но теперь, глядя в окно, не мог вспомнить причину размолвки, будто тишина квартиры выместила из его головы шум улицы и все слова, произнесенные ими во время ссоры и, вероятно, не содержащие в себе никакого хорошего смысла. Антон только видел перед собой изумленное Наташино лицо, которое то и дело заслоняла птица.

«Как это?..» – думал он, глядя в окно.

Птица резко взмахнула крыльями, но не улетела. Ее острый клюв показывал куда-то за крыши соседних домов. И Антон вспомнил ту минуту, в которую разговор с Наташей стал превращаться в ссору.

Это была солнечная, пронизанная пыльным ветром минута. Антону приходилось жмуриться и идти полубоком, чтобы видеть Наташино лицо.

– Значит, ты тоже считаешь, что фотография – это несерьезно?

– Да я не то хотел сказать!.. Ты не так поняла меня! – тут ему в глаз попала соринка, он остановился, невольно изругавшись.

– Я вижу!.. Уж от тебя-то я никак такого не ожидала!.. – и, поправив солнцезащитные очки, она ускорила шаг.

– Да подожди ты!.. – потирая глаз, Антон поспешил за ней, но увидел только полу плаща.

Наташа села в такси, будто пригнанное ветром, и уехала.

Антон вздохнул, перестав жмуриться. Солнце пропало, очерченный чернилами контур облака стал размываться. Чернила впитывались в белую мякоть, которая стремительно наливалась синевой, превращаясь в тучу.

Фотографии, которые делала Наташа, нравились Антону.

– Вот эта особенно классно получилась!.. – не раз искренне говорил он ей, сейчас вспоминая свои слова.

С застывшей улыбкой на лице, он увидел, как вспорхнула и улетела птица. Ветка рябины, еще не зазеленевшая, выпрямилась и вздрогнула. На стекло упали первые крупные капли дождя.

ДЛИННОХВОСТАЯ СИНИЦА

Послышался мягкий треск и скоро стих. Тут же снежным комом что-то вылетело из глубины леса, точно кто-то собрал в чащобе последнюю горсть снега и кинул ее на опушку, на самый солнцепек.

Снег рассыпался и превратился в пару длиннохвостых синиц. Одна синица прицепилась к ветке черемухи, другая, мелко и часто перебирая крыльями, подлетела к сырому руслу ручейка.

Русло тянулось от колодца и было устлано прошлогодними листьями черемухи и клена. Вода по нему не текла, но просачивалась из отверстия в бетонном кольце и скапливалась лужицами на мокрых прижатых друг к другу листьях. Склеенные водой, листья делались плотными, не рассыпались, как сухие, не давали воде полностью впитаться в землю.

В такую лужицу – кленовую ладошку – села длиннохвостая синица. Она стала пить из нее чистую воду, а напившись, принялась умываться. Потом, вспорхнув, уселась на облитую солнцем ветку и стала сушить пуховые перышки.

Как снежные колибри, перелетали синицы с ветки на ветку. За ними с куста орешника наблюдала желтогрудая синица, прилетевшая на опушку из прозрачно-солнечного леса.

Мягко потрескивали крылья, мелькали пушистые головы, длиннохвостые синицы оставляли залитые солнцем ветки и терялись в еще голем лесу. Желтогрудая синица осталась одна. Но скоро и она улетела, оставив солнечную опушку редким первоцветам, шмелям и пчелам.